

Василий Олегович Авченко¹

avchenko@yandex.ru

БРАТЬЯ ПО КРАЮ. ЖИЗНЕННЫЕ И ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВЛАДИМИРА АРСЕНЬЕВА И АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА²

В статье анализируются особенности жизненных путей и творческих принципов двух крупнейших дальневосточных литераторов: В.К. Арсеньева и А.А. Фадеева. Судьбы этих людей, принадлежащих разным поколениям, разным профессиям и «разминувшихся» в личной встрече всего на несколько лет, переплелись тесным образом как в бытовых ситуациях, так и в творческой деятельности. Обращение к биографиям обоих знаменитых писателей позволяет наметить на карте Приморья и Приамурья общие маршруты и места, ставшие важными для каждого из них. Пересечения происходили не только в географической плоскости: общими были и знакомства с историческими личностями, местными проводниками. Литературное творчество Фадеева во многом было наполнено наследием Арсеньева, здесь можно проследить схожие темы (жизнь и быт удэгейцев, отношения с китайцами, освоение Приморья и др.), перекликаются даже имена литературных героев и сюжеты легенд. Рассматривая художественное наследие и жизненный путь писателей, можно отметить вклад каждого из них в работу другого: Арсеньев во многом повлиял на мотивы произведений Фадеева, дал большую базу для творчества и размышления, Фадеев продолжил дело Арсеньева, по-своему преобразовав его близкие к научным описания, несомненно, опираясь и на собственный опыт и исторические реалии, открыл творчество Арсеньева для широкого круга читателей.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, А.А. Фадеев, удэгейцы, Приморье, Дальний Восток.

Vasily O. Avchenko¹

avchenko@yandex.ru

FELLOW COUNTRYMEN. LIFE AND CREATIVE CONNECTIONS OF VLADIMIR ARSENYEV AND ALEXANDER FADEEV

The article analyzes the features of the life paths and creative principles of two major Far Eastern writers: V.K. Arsenyev and A.A. Fadeev. The destinies of these people, belonging to different generations, different professions and who “missed

¹ Писатель, журналист, Владивосток, Россия.
Writer, journalist, Vladivostok, Russia.

² Статья была ранее опубликована: [1].

each other” in a personal meeting in just a few years, intertwined in a close way both in everyday situations and in creative activity. Referring to the biographies of both famous writers allows you to outline on the map of Primorye and the Amur region common routes and places that have become important for each of them. Intersections took place not only in the geographical plane, but also acquaintances with historical figures and local guides were common. The literary work of Fadeev was largely filled with the legacy of Arsenyev, common themes can be traced here (the life and way of life of the Udege people, relations with the Chinese, the development of Primorye, etc.), even the names of literary heroes and the plots of legends echo. Considering the artistic heritage and the life path of the writers, one can note the contribution of each of them to the work of the other: Arsenyev largely influenced the motives of Fadeev’s works, gave a great basis for creativity and reflection, Fadeev continued Arsenyev’s work, transforming his descriptions close to scientific in his own way, undoubtedly relying on his own experience and historical realities, he opened Arsenyev’s work to a wide range of readers.

Keywords: V.K. Arsenyev, A.A. Fadeev, Udege, Primorye, Far East.

...Как этот, в пору новоселья,
 Нам край открыли золотой
 Учёный друг его Арсеньев
 И наш Фадеев молодой.

Александр Твардовский

Арсеньев и Фадеев — два крупнейших литератора Приморья. Пусть с поправками и оговорками. Да, петербургский уроженец Арсеньев — ровно настолько же приморец, насколько и хабаровчанин, а тверской по рождению (и уральский по происхождению) партизан Фадеев уехал с Дальнего Востока 19-летним. И всё же повторим: Арсеньев и Фадеев (со дня рождения первого в 2022 г. исполняется 150 лет, со дня рождения второго в 2021 г. исполнилось 120) — два крупнейших литератора, сформированных в Приморье и Приморьем. Локальное «наше всё», матрица «дальневосточного текста», о котором говорят филологи (что не отрицает ни огромной роли предшественников Арсеньева и Фадеева — от офицеров-путешественников до русских классиков XIX в., ни бесспорных достижений явных и неявных последователей обоих). Вот повод порассуждать о роли личности в истории: не будь этих двоих авторов, появился бы миф о Дерсу Узала и приморских партизанах? Или корчилось бы Приморье безъязыким вплоть до появления в 1997 г. «Морской» Ильи Лагутенко?

Их принято числить по различным литературным ведомствам. Фадеев — очень красноречивый, очень советский, к тому же «функционер» и даже «сталинист»; если он, безжалостно изгнанный из школьной программы, сейчас кому-то интересен, то, кажется, не столько текстами, сколько загадкой своего самоубийства. Арсеньев — офицер, учёный, краевед... Эти, на первый взгляд, очень разные фигуры гораздо ближе друг к другу, чем это может показаться. В их текстах и судьбах — множество пересечений самого разного порядка.

* * *

Арсеньев и Фадеев много лет ходили буквально друг за другом.

По материалам экспедиции 1906 г. Арсеньев писал: «Между устьем Бэйцухе и Иманом (ныне — р. Маревка и Большая Уссурка на севере Приморья. — В.А.) приютилась небольшая корейская деревушка Саровка» [3, т. 1, с. 352]. Буквально через два-три года в Саровке поселятся мать и отчим Фадеева. Именно здесь будущий писатель впервые пойдёт в школу.

В 1920 г. Фадеев, известный среди партизан как «Саша Булыга», получит в Спасске-Дальнем японскую пулю в бедро, и его доставят на станцию Корфовскую под Хабаровском — там он в штабном вагоне лечился от раны. Именно у Корфовой в 1908 г. был убит Дерсу.

Биограф Арсеньева А.И. Тарасова указывает, что Владимир Клавдиевич «неоднократно с февраля 1920 по май 1921 г. консультировал технический комитет Военного совета Приморья, в составе которого были С.Г. Лазо, В.М. Сибирцев, А.Н. Луцкий и др., по поводу выбора районов для размещения партизанских баз, недоступных для японских интервентов» [7, с. 112]. К этому утверждению, основанному на устных воспоминаниях партизанского командира Николая Ильюхова, следует отнестись критически. Во-первых, уже в апреле 1920 г. Лазо, Луцкий и Сибирцев были арестованы японцами в ходе «японского выступления» и вскоре казнены, так что консультировать их Арсеньев мог лишь с февраля по начало апреля 1920 г. включительно. Во-вторых, подъём партизанского движения, связанный с именем Лазо, пришёлся на 1919 г., а в конце января 1920 г. красные партизаны без выстрела заняли Владивосток, оставленный белыми. Едва ли в эти месяцы вопрос создания новых партизанских баз был для Лазо со товарищи важнее, чем организация гражданской власти и обеспечение нормальной жизни в городах и сёлах края (эта тема вновь актуализировалась позже, после «меркуловского» переворота мая 1921 г., когда последовал

новый всплеск подпольного и партизанского движения). Но в любом случае Фадеев был где-то рядом. Достаточно напомнить, что Всеволод Сибирцев — его двоюродный брат, серьёзно повлиявший на формирование личности Фадеева, да и с Лазо Фадеев был хорошо знаком.

Когда Арсеньев в 1921 г. издавал во Владивостоке первую книгу для широкого читателя «По Уссурийскому краю» (до этого были отчёты и доклады специального характера — военно-прикладного и научного), комиссар 8-й Амурской стрелковой бригады Народно-революционной армии Дальневосточной республики Булыга-Фадеев уже уезжал из Читы в Москву на X съезд РКП(б). Вероятнее всего, Фадеев узнал об Арсеньеве как о незаурядном писателе позже — после выхода в 1926 г. книги «В дебрях Уссурийского края», которую заметили и высоко оценили М. Горький и М. Пришвин. Фадеев ещё придет на Дальний Восток и будет подолгу жить во Владивостоке, но это случится в 1933—1935 гг., тогда как Арсеньев скончался ещё в 1930 г. Если бы не эта ранняя смерть, они бы непременно встретились. А как иначе, если осенью 1933 г. Фадеев шёл «с Сучана таёжными тропами в Улахинскую долину» (цитируем его письмо Эсфири Шуб) [8, т. 7, с. 75] и проводником его был Василий Глушак из Варваровки — «пятидесятилетний богатырь», тигролов и медвежатник, бывший партизан, спутник Арсеньева и друг Дерсу Узала? Да, Владимир Клавдиевич и Александр Александрович не просто ходили одними маршрутами (так, Арсеньев писал про привал у р. Ваку — места, описанные в фадеевском «Разгроме», — и это лишь один пример). У них даже был один проводник, пусть в разное время. Или ещё одно пересечение: по данным А.И. Тарасовой, участник походов Арсеньева 1927 и 1930 гг. Прокопий Гончаров в Гражданскую воевал в Сучанском партизанском отряде; там он мог встречаться с Фадеевым, начавшим свой боевой путь как раз с Сучанской долины [7, с. 130]. Были у них и другие общие знакомые — как, например, дальневосточный писатель Трофим Борисов, которому вдова Арсеньева Маргарита перед своим арестом передала бумаги покойного мужа (те уже после смерти Борисова попадут к Константину Симонову и будут впоследствии найдены в его архиве).

Из экспедиции 1927 г. Арсеньев отправлял заметки в хабаровскую «Тихоокеанскую звезду». В 1939 г. эти тексты опубликовал журнал (первоначально альманах) «На рубеже» — предшественник журнала «Дальний Восток», выходящего и ныне в Хабаровске. Очерк Арсеньева «Голодовка на реке Хуту» вышел в том же издании ещё раньше — в 1934 г. Основали «На рубеже» в 1933 г. при активном участии Фадеева; в 1935 г. он даже был назначен редактором журнала — жил под

Владивостоком, ответсек приезжал к нему из Хабаровска со свёрстанными полосами. То есть Фадеев вполне мог стать редактором Арсеньева.

Что касается их личной встречи, то, вероятно, всё-таки состоялась и она, только Фадеев был на тот момент ещё ребёнком. По крайней мере, дальневосточный литератор Семён Бытовой приводит устный рассказ Фадеева, как тот «однажды видел В.К. Арсеньева в Хабаровском музее в 1913 году, но лично знаком с ним не был» [4, с. 51—52]. Фадеев рассказал Бытовому: Арсеньев, руководивший тогда Гродековским музеем, сам провёл экскурсию для учеников. Другой дальневосточный литератор, Василий Кучерявенко, писал со ссылкой на Фадеева, что Арсеньев тогда целый вечер рассказывал ученикам «о своих богатых приключениях путешествиях» [6, с. 6]. Так что без особой натяжки можно сказать, что Арсеньев Фадеева благословил.

Так или иначе, в текстах своих Арсеньев и Фадеев «встречаются» то и дело. Оно и понятно: жили в Приморье, писали в одно — плюс-минус — время... Но дело не только в этом. Ещё — в их несомненной настроенности на одну и ту же волну. Вот откуда в текстах Арсеньева и Фадеева так много тематических и стилистических рифм.

Есть у них и общая литературная генеалогия. Горький говорил, что Арсеньев объединил в себе Брема и Купера [2, с. 87], сам Арсеньев указывал в сцене знакомства с Дерсу: «Передо мной был следопыт, и невольно мне вспомнились герои Купера и Майн Рида» [3, т. 1, с. 16]. Фадеев называл своими учителями тех же Купера и Майн Рида, Джека Лондона (понятно, что это далеко не единственные литературные отцы обоих; налицо прежде всего серьёзнейшее влияние русской классики). И Купер, и Лондон слышны уже в дебютной фадеевской повести «Разлив», где гольд Тун-ло («гольдом», т.е., по-современному, нанайцем, был и Дерсу) говорит местному жителю Неретину: «Земля была наша. Потом пришли русские. Русские взяли всю землю. Русские были сильнее, потому что их было больше... Теперь гольд платит за землю. Гольд платит за фанзу, хотя делает её сам из своего леса и своей глины. Нехороший порядок... Тун-ло слышал, теперь порядок будет другой. Что думает сделать Неретин для гольдов?» [8, т. 1, с. 233—234].

* * *

Можно со всеми основаниями говорить не только об общем географическом, литературном и даже лексическом («Утром гольд слез с тёплого кана, насыпал в мешок чумизы и принялся за чистку ружья» — это

не из «Дерсу Узала», как может показаться, а из «Разлива») пространстве обоих писателей, но и о буквальных совпадениях и даже прямых заимствованиях, сделанных Фадеевым у Арсеньева.

Вот у Арсеньева появляется некто Кашлев по прозвищу «Тигриная Смерть» — тихий, скромный, невысокий, худощавый мужичок. У Фадеева в «Последнем из удэге» читаем: «...Мартемьянов сказал Серёже, что Гладких — сын прославленного вайфудинского охотника по прозвищу „Тигриная смерть“, убившего в своей жизни более восьмидесяти тигров. Правда, по словам Мартемьянова, Гладких-отец был скромный сивый мужичонка, которого бивали и староста, и собственная жена» [8, т. 2, с. 26].

Известны следопытские таланты Дерсу — а вот описание удэгейца Сарла у Фадеева: «Рассматривая следы, человек заметил дорожку, идущую из соседнего распадка. Он немного спустился, изучая её. Одна лошадь была поменьше, кованная только на передние ноги, другая — побольше, кованная на все четыре. Вёл их один — русский, судя по обуви, — человек с небольшими ступнями. Несмотря на то, что он лез в гору, он шёл не на носках, как ходят молодые, сильные люди со здоровым сердцем, а ставя набок полные ступни, — человек этот был немолодой» [8, т. 2, с. 192].

Задолго до Фадеева и революции Арсеньев называл народ удэге (этноним «удэгеец» тогда ещё не устоялся) коммунистами, пусть и «первобытными». Он противопоставлял этих «дикарей» современному европейцу, который с прогрессом многое приобрёл, но многое и потерял — прежде всего в плане человеческих добродетелей. «Я видел перед собой первобытного охотника, который... чужд был тех пороков, которые... несёт городская цивилизация», — писал Арсеньев о Дерсу [3, т. 1, с. 14].

О том же говорил и Фадеев, в записных книжках полемизировавший с Николаем Пржевальским — предшественником Арсеньева в деле изучения Уссурийского края: «Пржевальский совершенно не понял удэгейцев... Он, конечно, не мог и подозревать, что имеет дело с первобытными коммунистами... Об удэге написал: „Он забывает всякие человеческие стремления и, как животное, заботится только о насыщении своего желудка“. Какая жестокая неправда!» [2, с. 89]. Герой фадеевского «Землетрясения» Кондрат Сердюк (его прототип — вышеназванный Глушак) говорит о гольдах: «Благородство в них есть... Потому что у них промеж себя братский закон». Тот же Сердюк вспоминает разговор с «образованным полковником», который «места наши на карту снимал» [8, т. 1, с. 320], — не с Арсеньевым ли?

Вот старовер под Пластуном говорит Арсеньеву о Дерсу: «Хороший он человек, правдивый... Одно только плохо — нехристь он, азиат, в Бога не верует... У него и души-то нет, а пар» [3, т. 1, с. 415]. А вот фадеевский Мартемьянов: «Работать сами не умеем, да ещё норовим на своего же брата верхом сесть: вали, брат Савка, у тебя и язык другой, и глаза косые, и пар заместо души! А ежели по-настоящему разобратся, народ этот куда лучше нашего — простой, работающий, друг дружке помогают, не воруют...» [8, т. 2, с. 15].

Целостный и притягательный литературный образ «инородца» (в современной терминологии — представителя коренных малочисленных народов) первым создал Арсеньев. Чуть позже тем же занялся Фадеев. Как и Арсеньев, он доброжелательно относился к инородцам и негативно — к местным китайцам, закабалавшим этих инородцев. Но если Арсеньев с горечью писал о разрушении традиционного быта инородцев водкой и оспой, принесёнными китайцами и русскими, то у Фадеева слышнее мысль о необходимости модернизации, приобщения туземцев к прогрессу. Вот и его Сарл — удэгеец прогрессивный: «Этой весной он добыл у корейцев семена бобов и кукурузы и, впервые в истории народа, понудил женщин возделывать землю... У сидатунских китайцев (китайцы из Сидатуна — нынешнего села Мельничного — фигурируют и у Арсеньева. — В.А.) Сарл подсмотрел как-то домашнюю мельницу: сытый, ленивый мул с завязанными глазами, с подопревшими ляжками, ходил вокруг столба, вращая верхний жёрнов, и зернистая, как золото, кукурузная мука струилась в джутовый растопыренный зев» [8, т. 2, с. 199].

Литературный герой Дерсу Узала, как показывает исследователь творчества Арсеньева А.В. Коровашко, не только беллетризован, но и заметно идеализирован по сравнению с его прототипом Дэрчу Одзялом [5]. Арсеньев не упоминал, к примеру, чем пах и что курил Дерсу, — об этом мы знаем лишь из воспоминаний первой жены писателя Анны Кадашевич. Если интеллигентный Арсеньев и испытывал чувство брезгливости по отношению к некоторым чертам «туземного» быта, то умолчал об этом. Не то — у Фадеева. Вот его герой Серёжа, во многом автобиографический, попадает к удэгейцам: «Чем ближе они подходили к посёлку, тем ощутимее становился донёсшийся к ним ещё издали тошноватый запах несвежей рыбы, разлагающейся крови и чада и тот специфический острый чесночный запах, которым пахнут туземные жилища и одежды... Серёжа, почувствовав внезапный приступ тошноты, отвернулся» [8, т. 2, с. 224].

Арсеньев в «Сквозь тайгу» так описывал камлание шамана: «От музыки его становилось жутко. Кто знает, что сумасшедшему может

прийти в голову! Было достойно удивления, откуда у этого старого человека бралось столько энергии... Он куда-то мчался, кого-то догонял и кричал, что не видит земли, что мимо него летят звёзды, а кругом холод и тьма» [3, т. 2, с. 569]. Фадеев: «Толстолицый рябой удэге с неимоверно длинными обезьяньими руками... выделявал вокруг костра чудовищные прыжки, часто ударяя в бубен, сутулясь и сильно вращая задом; подвешенные к его поясу железные трубки издавали неистовый лязг. Он проделывал эти телодвижения без единого возгласа, с лицом серьёзным и сосредоточенно-глупым от напряжения... Позы, которые принимал пляшущий, были так дики, нелепы и унизительны и так порой смешны, что Серёже делалось неловко за него» [8, т. 2, с. 231—232]. Арсеньев так написать не мог. Он опускал неприятные постороннему особенности «первобыта». Для него куда более значимым было другое — этический кодекс инородцев, их жизнь в гармонии с природой и другими людьми.

К прогрессу, надо сказать, и Фадеев относился неоднозначно. Это чувствуется и в подтекстах «Разгрома», и в «Землетрясении» — писателю равно дороги и старая тайга, и новая жизнь, которая эту тайгу уничтожает. Он не выражает недовольства прямо, но эпитеты и метафоры говорят сами за себя: «Теперь ничего нельзя было узнать от прежнего. Мёртвая тайга вдоль всей дороги была порублена, побита взрывами так, что одни щербатые пеньки торчали, как гнилые зубы». И дальше: «Распугали тигров твоих, дед! — сказал Майгула. — Ничего! Мой век уже кончился, — спокойно отвечал Кондрат Фролович» [8, т. 1, с. 327].

Известно, что в пятой части «Последнего из удэге» (где Фадеев, разделившись с перипетиями Гражданской войны, наконец переходит к главному и заглавному — собственно к удэгейцам) автор хотел показать борьбу инородцев против китайских эксплуататоров («цайдунов»), описать лесных бандитов — хунхузов... Не будет большой натяжкой сказать, что он собирался перевести в художественное поле наблюдения и выводы Арсеньева, олитературить его «Китайцев в Уссурийском крае» (1914). И даже начал эту работу: «...Места эти, в которых уже погулял топор, в те времена мало посещались людьми и были богаты зверем, но, когда хлынула в край вторая китайская волна, племя покинуло их, распавшись по родам. Иные попали в кабалу к китайским „цайдунам“, пополнив собой ту вырождавшуюся от водки, трахомы и опиума часть народа удэ, которая уже много десятилетий несла рабскую кличку „да-цзы“ (или „тазы“), что значит — не русский, не китаец, не кореец, почти не человек» («тазами» принято называть окитаенных приморских аборигенов, перенявших привычки и быт местных китайцев, вернее, чаще всего этнических маньчжур — «манз». — В.А.) [8, т. 2, с. 194].

Опровергая расхожее представление о Приморье как «исконно китайской земле», Арсеньев доказывал, что китайцы появились здесь за какие-то два десятка лет до русских — ближе к середине XIX в. О том же пишет Фадеев. Его герой — инородец Масенда, родившийся в 1818 г., застал приход первых китайцев: «Они перевалили хребет с верховьев речки Арму — притока Имана — и пришли из страны маньчжуров. Им нужны были шкурки соболя, молодые олени рога — панты — и корень женьшень. И каждый охотно отдал им большую часть того, что имел... Китайцы были весёлый народ и пили горькую воду, от которой становились ещё веселее. Они угощали этой водой и удэге...» [8, т. 2, с. 549].

И у Арсеньева, и у Фадеева находим зародыши нереализованных сюжетов, связанных с грандиозным переселением на восток, с освоением Приморья Россией. К сожалению, по-настоящему великих книг об этом не появилось, и приходится довольствоваться вставными новеллами и фрагментами, в которых мелькают удивительные личности и судьбы. Вот что, например, рассказывает у Фадеева некто Боярин: «С нами на пароходе хохлы ехали, семьи четыре, — мы-то сами воронежские, а то хохлы, — так они всю дорогу гундели: „О це ж Зелений Клин, да коли ж Зелений Клин! Да там трава с чоловика, да там с винограду аж деревья гнутся, да там земля чорна на сажень!..“ Ай, дураки-и... Ха!.. Тьфу!.. — И Боярин вдруг крепко выругался, махнул костлявой рукой, похожей на конскую берцу, и даже топнул» [8, т. 2, с. 12]. Рассказы о несбывшихся ожиданиях первых переселенцев есть и у Арсеньева.

«На скрещении двух хребтов стояла маленькая, похожая на скворечню китайская кумирня с красной тряпкой, на которой вышито было по-китайски: „Сан-лин-чи-чжу“ — „Владыке гор и лесов“. Было очень росисто и холодно, но веяло уже терпким, свинцовым и сладостным запахом зацветающих рододендронов», — сразу и не скажешь, Арсеньев это или всё-таки Фадеев [8, т. 2, с. 191].

В «Кратком военно-географическом и военно-статистическом очерке Уссурийского края 1901—1911 гг.» (1912) Арсеньев пишет: «По рассказам самих удэге, раньше в прибрежном районе их было так много, что „белые лебеди, пока летели от Императорской Гавани до зал. Св. Ольги, от дыма, подымавшегося от их костров, становились чёрными“» [3, т. 3, кн. 1, с. 548]. То же пишет и Фадеев в начале пятой книги «Удэге»: «Когда-то народ был велик. В песне говорилось, что лебеди, перелетая через страну, становились чёрными от дыма юрт» [8, т. 2, с. 544]. Вряд ли Фадеев пользовался вышеназванным специальным трудом Арсеньева, который был напечатан типографией штаба

Приамурского военного округа и стал раритетом вскоре после выхода, но он мог ориентироваться на книгу «Дерсу Узала», где говорится: «Лет 40 назад удэгейцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам Люрл, лебеди, пока летели от реки Самарги до залива Ольги, от дыма, который поднимался от их юрт, из белых становились чёрными» [3, т. 1, с. 546]. В пользу этого предположения говорит повторённое Фадеевым неместное, отсылающее к тюркским народам слово «юрта». Его Арсеньев, видимо, использовал для обозначения жилищ удэгейцев, относящихся к тунгусо-маньчжурской группе, просто потому, что другого слова в его лексическом арсенале тогда не было.

С другой стороны, книги Арсеньева отнюдь не были единственным источником знаний Фадеева о жителях Уссурийского края. Скажем, вот как Арсеньев писал о таёжных бандитах — «промышленниках»: «Промышленник идёт в тайгу не для охоты, а вообще, „на промысел“... Он ищет золото, но при случае не прочь поохотиться за „косачами“ (китайцами) и за „лебедями“ (корейцами), не прочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо её за оленину. Встреча с таким промышленником гораздо опаснее, чем встреча со зверем» [3, т. 1, с. 145—146]. А вот что говорит фадеевский Мартемьянов: «Случилось так, что русский тут один, промышленник, убил в тайге ихнего удэгея. Промышленник тут — это такая профессия: ходит он по тайге, высматривает бродячих манз или корейцев, которые, скажем, с мехами идут, или с пантами, или с корнем женьшенем, и постреливает их полегоньку. Называется это — охота за „синими фазанами“ да за „белыми лебедями“, потому китайцы всегда в синем ходят, а корейцы в белом» [8, т. 2, с. 246]. Как видим, у Фадеева есть расхождения с Арсеньевым в деталях — сравните «промышленников» и «промысленников», «косачей» и «синих фазанов» (китайцы носили косу в знак покорности маньчжурской династии Цин, павшей в 1912 г.; повествование Фадеева относится к более поздним годам, чем уссурийские походы Арсеньева первого десятилетия XX в., с чем, видимо, и связана замена «косачей» на «фазанов»). Всё это подтверждает, что ряд реалий и деталей для романа Фадеев брал из своего опыта, из общения с земляками-приморцами, даже если многое подсмотрел у Арсеньева. Совпадения в ряде случаев могут объясняться тем простым обстоятельством, что оба имели дело с одним материалом.

И всё-таки отрицать прямое и очень серьёзное влияние арсеньевских текстов на фадеевские не приходится. Сильнее всего оно прослеживается в таёжных главах «Последнего из удэге», да и сам Фадеев не скрывал своей преемственности по отношению к работам

Арсеньева: «Об этом народе (удэгейцах. — В.А.) имеются прекрасные исследования В.К. Арсеньева... Я считал себя вправе использовать эти труды в своём романе» [2, с. 92].

Возможно, даже имена героев «Последнего из удэге» Фадеев брал у Арсеньева. У последнего упомянут старый удэгеец Люрл — это имя встречаем и в «Последнем из удэге». Описывая зверства китайского цайдуна Ли Тан-куя, Арсеньев упоминал: «Двое из удэгейцев — Масенда и Само из рода Кялондига... поехали в Хабаровск с жалобой» [3, т. 1, с. 342]. Масенда, как мы уже знаем, тоже появляется у Фадеева. Равно как и упомянутый выше Сарл (Арсеньев писал, что в местности со странным названием Паровози живёт старшина удэгейцев Сарл Кимунка). Фадеевский Сарл принадлежит к роду Гялондика — созвучие с вышеупомянутым родом Кялондига говорит само за себя; возможно, это разное написание одной и той же фамилии.

Лучшую книгу Фадеева — «Разгром», о партизанском движении в Приморье — принято возводить к толстовской традиции, но и в этом произведении есть арсеньевские мотивы.

Скажем больше: вряд ли на кого из писателей Арсеньев вообще повлиял сильнее. Разве что на Пришвина с его дальневосточными повестями и очерками («Женьшень», «Олень-цветок», «Голубые песцы»).

Арсеньев и Фадеев дышали одним воздухом и ходили по одним дорогам. Писатель Фадеев обязан своим рождением не только Гражданской войне, но и произведениям Арсеньева, который был старше его на поколение и к моменту появления на свет Фадеева уже приехал на Дальний Восток, где остался навсегда.

Фадеев был внимательным читателем Арсеньева. Вот цитата из выступления Фадеева на конференции московских писателей в марте 1941 г., где обсуждалась повесть Н. Емельяновой «В Уссурийской тайге»: «...Возьмём „В дебрях Уссурийского края“ Арсеньева. Там дыхание покрупнее. Он ставил более серьёзные проблемы гуманизма. Эту книгу можно пустить массовым тиражом, но имейте в виду, что и эта книга тоже не была книгой для всех... Какая-то сторона этого произведения не доходила до читателя...». Здесь Фадеев совершенно прав: ведь и сегодня Арсеньев остаётся автором недопрочитанным, недооценённым (не говоря о том, что до сих пор недоизданным — лишь в XXI в. владивостокское издательство «Рубеж» начало выпуск его первого полного академического собрания сочинений).

Называя Арсеньева писателем «не для всех» (это, разумеется, не в упрёк Арсеньеву — скорее, в упрёк читателю), сам Фадеев писал для всех. «Вытаскивал» арсеньевские темы и сюжеты в поле массовой (в хорошем смысле слова) литературы. Если Арсеньев подходил

к материалу прежде всего как учёный, хотя элемент беллетризации и у него достаточно высок (и потому не стоит воспринимать «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» как документ, несмотря на фирменную арсеньевскую точность описаний), то Фадеев дополнял Арсеньева, осмысливая материал уже в чисто художественном ключе.

Нон-фикшн Арсеньева иногда кажется «подстрочником», на основе которого Фадеев строил художественный текст. Едва ли стоит считать Фадеева плагиатором — когда он брал что-то у Арсеньева, он был в своём праве, поскольку работал в ином жанре. Да и немалую часть материала черпал всё-таки непосредственно из жизни. Недаром, работая над «Удэге», он в 1930-е гг. специально отправился в Приморье, а в 1950-х гг., намереваясь продолжать роман, хотел подобную поездку повторить.

Фадеев продолжил с того места, где остановился Арсеньев.

* * *

Арсеньев — редкий в России пример творческого человека, которому для самореализации нужно было не приехать в столицу, а, напротив, покинуть её. Петербуржец Арсеньев стал дальневосточником и здесь нашёл себя. Фадеев, выросший в Приморье, тоже сформировался здесь и, хотя зенита своего достиг позже и уже в столице, всю жизнь считал себя дальневосточником.

В 1910 г. Арсеньев, попав на время в Петербург, отказался от карьеры столичного учёного и вернулся на Дальний Восток. На первый взгляд это, говоря современным языком, дауншифтинг, но на самом деле выбор Арсеньева, как сейчас видно, был совершенно правильным даже с точки зрения карьеры. Фадеев в 1930-х гг. тоже пробовал вернуться в Приморье, причём, судя по всему, это были не просто «творческие командировки», но попытка бегства из столицы — надолго или даже навсегда. «Интриг между учёными в Петербурге — хоть отбавляй! В этом отношении у нас в провинции лучше... Карьеризм поглотил хорошие чувства человека! Этот Вавилон закрутил было и меня, да, слава богу, я вовремя очнулся и убежал к себе в Приамурье», — писал Арсеньев этнографу Льву Штернбергу [1, с. 12]. Фадееву «очнуться» не удалось — он вернулся к столичным административным делам, вынужденно наступал на горло собственной писательской песне, и чем всё закончилось — известно: драмой недореализованности и самоубийством. В 1911 г. Арсеньев писал путешественнику Петру Козлову: «Административная деятельность мне не по душе... Я с удовольствием

променял бы даже губернаторский пост на скромную роль географ-исследователя... Гондатти (Приамурский генерал-губернатор. — В.А.)... хочет пристегнуть меня к администрации — а я брыкаюсь» [АГО. Ф. ВКА. Оп. 3. № 1. Л. 11]. Случалось, «брыкался» и Фадеев — просил временно снять с него часть общественных нагрузок, дать творческий отпуск... Но в итоге возвращался к общественной, руководящей, партийной работе, искренне считая, что так надо (из «Разгрома»: «Нужно было жить и исполнять свои обязанности» [8, т. 1, с. 193]).

И Арсеньев, и Фадеев открывали Приморье остальной России.

Каждому выпала здесь своя война: Арсеньев сражался против китайских хунхузов, Фадеев — против японских интервентов.

Фадеев так и не окончил «Последнего из удэге» — Арсеньев не завершил «Страну Удэге», которую тоже полагал главным делом жизни.

В конце жизни Фадеев писал в Спасск-Дальний своей юношеской любви Асе (Александре Филипповне) Колесниковой: «Когда образовалась „коммуна“, вы, девочки, вернее, уже девушки, были естественным центром её притяжения, а домик на Набережной был главным местом сбора...» [8, т. 7, с. 211—212]. Домик этот располагался примерно там, где потом построили гостиницу «Владивосток». Дом Арсеньева, в котором он жил последние годы и умер, — в двух шагах.

Арсеньев не дожил до 58, Фадеев — до 55.

Арсеньев просил похоронить его в тайге, но его положили на Эгершельде, а потом перенесли останки на Морское кладбище Владивостока. Фадеев завещал похоронить себя рядом с матерью — его положили на Новодевичьем. Как видим, и посмертные их судьбы оказались схожи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авченко В.О. Братья по краю: жизненные и творческие связи В.К. Арсеньева и А.А. Фадеева // Арсеньевские чтения: материалы регион. науч.-практич. конф., посвящ. 145-летию со дня рождения В.К. Арсеньева (г. Владивосток, 26—27 сентября 2017 г.) / сост. В.В. Кавецкая. Владивосток: ВГУЭС, 2019. С. 8—13.
2. Авченко В.О. Фадеев. М.: Молодая гвардия, 2017. 366 с. (Жизнь замечательных людей: биографическая серия.)
3. Арсеньев В.К. Собрание сочинений: в 6 т. Владивосток: Рубеж, 2007. Т. 1. 704 с.; 2009. Т. 2. 608 с.; 2012. Т. 3. 784 с.
4. Бытовой С.М. От снега до снега. Л.: Советский писатель, 1972. 326 с.
5. Коровашко А.В. По следам Дерсу Узала. М.: Вече, 2016. 252 с.
6. Кучерявенко В.Т. Золотые насечки. Владивосток: Дальиздат, 1982. 320 с.
7. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 344 с.
8. Фадеев А.А. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 1. 351 с.; 1970. Т. 2. 575 с.; 1971. Т. 7. 742 с.
9. АГО (Арх. Географического общества).

REFERENCES

1. Avchenko V.O. Brat'ya po krayu: zhiznennyye i tvorcheskie svyazi V.K. Arsen'eva i A.A. Fadeeva [Brothers in the Region: Life and Creative Connections of V.K. Arsenyev and A.A. Fadeev]. *Arsen'evskie chteniya: materialy region. nauch.-praktich. konf., posvyashch. 145-letiyu so dnya rozhdeniya V.K. Arsen'eva* (g. Vladivostok, 26—27 sentyabrya 2017 g.) [Arseniev Readings: Materials of the Regional Scientific and Practical Conference Dedicated to the 145th Anniversary of the Birth of V.K. Arsenyev (Vladivostok, September 26—27, 2017)]. Comp. by V.V. Kaveckaya. Vladivostok, VGUES Publ., 2019, pp. 8—13. (In Russ.)
2. Avchenko V.O. *Fadeev* [Fadeev]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2017, 366 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey: biograficheskaya seriya [The Life of Wonderful People: The Biographical Series].) (In Russ.)
3. Arsen'ev V.K. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works in 6 Volumes]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2007, vol. 1, 704 p.; 2009, vol. 2, 608 p.; 2012, vol. 3, 784 p. (In Russ.)
4. Bytovoy S.M. *Ot snega do snega* [From Snow to Snow]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1972, 326 p. (In Russ.)
5. Korovashko A.V. *Po sledam Dersu Uzala* [In the Footsteps of Dersu Uzala]. Moscow, Veche Publ., 2016, 252 p. (In Russ.)
6. Kucheryavenko V.T. *Zoloty nasechki* [Gold Notches]. Vladivostok, Dal'izdat Publ., 1982, 39 p. (In Russ.)
7. Tarasova A.I. *Vladimir Klavdievich Arsen'ev* [Vladimir Klavdievich Arsenyev]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 344 p. (In Russ.)
8. Fadeev A.A. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works in 7 Volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1969, vol. 1, 351 p.; 1970, vol. 2, 575 p.; 1971, vol. 7, 742 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 25.02.2022